

Е. В. Клокова

ЛЮБОВЬ И ТОСКА В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА НАЧАЛА 1890-Х ГОДОВ

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Институт филологии и журналистики,
Саратов, Россия*

Аннотация. В статье рассматриваются два мотива, играющих важную роль в творчестве А. П. Чехова: любовь и тоска. Герои чеховских произведений начала 1890-х годов испытывают чувство любви, которое неизменно со временем будет сопряжено с тоской. В статье предпринимается попытка рассмотреть причины возникновения тоски в историях любви героев хрестоматийно известных рассказов: «Попрыгунья», «В ссылке», «Страх (рассказ моего друга)», «Володя большой и Володя маленький», «Учитель словесности».

Ключевые слова: А. П. Чехов, проза 1890-х годов, «тоскующий человек», любовь, тоска

E. V. Klokova

LOVE AND LONGING IN THE PROSE OF ANTON CHEKHOV IN THE EARLY 1890S

Saratov State University, Institute of Philology and Journalism, Saratov, Russia

Abstract. The article deals with two motifs that play an important role in the work of A. P. Chekhov: love and longing. The heroes of Chekhov's works of the early 1890s experience a feeling of love, which will invariably be associated with melancholy over time. The article attempts to consider the reasons for the emergence of longing in the love stories of the heroes of the textbook stories: "The Jumper", "In Exile", "Fear (the story of my friend)", "Volodya big and Volodya small", "Literature teacher".

Keywords: A. P. Chekhov, prose of the 1890s, "yearning man", love, longing

А.П. Чехов, с самого начала творческого пути пристально рассматривавший «тоскующего человека», в прозе зрелого периода выводит целый ряд героев, в жизни которых тоска сопряжена с любовью. Остановимся на некоторых произведениях обозначенной тематики, созданных в самом начале 1890-х годов. В центре рассказа «Попрыгунья» (впервые – журнал «Север», 1892) – история молодой, не отказывающей себе в удовольствиях особы, которая «боготворила знаменитых людей» [1, с. 10], тянулась к ним, пыталась окружить себя ими, нимало не заботясь о том, чем живёт любящий её муж; история женщины, которая «из пустой прихоти, из баловства, вся, с руками и с ногами, вымазалась во что-то грязное» [1, с. 28] и, подавленная крахом отношений с любовником, столкнулась с испытанием совсем другого рода – с внезапной смертью мужа, действительно «великого, необыкновенного» [1, с. 30] человека, которого она, в погоне за мнимыми ценностями, «прозевала» [1, с. 30].

Рябовский и Ольга Ивановна – художники, хотя и разной степени таланта. Предметом творческого интереса живописцев, тонко чувствующих природу, являются пейзажи. Поездка по Волге обещает принести впечатляющие результаты и сулит романтические чувства. Перед первым

признанием в любви описание Волги даётся глазами Ольги Ивановны: «Бирюзовый цвет воды, какого она раньше никогда не видала, небо, берега, чёрные тени и безотчётная радость, наполнявшая ее душу, говорили ей, что из неё выйдет великая художница и что где-то там за далью, за лунной ночью, в бесконечном пространстве ожидают её успех, слава, любовь народа...» [1, с. 15]. Душа женщины полнится надеждами и верой в радужное будущее. Природа завораживает художницу, вспыхнувшее чувство окрыляет её и бросает в объятия Рябовского. Быстро наступившее разочарование запретной связью, собой, занятием, которое приносило счастье и придавало цель существованию, показывается в следующем эпизоде: люди, ещё недавно полные мечтаний, ведут разговор о живописи, которая оказывается для них скучнейшим из искусств. Перемена эта передаётся состоянием природы, соответствующим настроению героев: «А Волга уже была без блеска, тусклая, матовая, холодная на вид. Всё, всё напоминало о приближении тоскливой, хмурой осени. И казалось, что роскошные зелёные ковры на берегах, алмазные отражения лучей, прозрачную синюю даль и всё щегольское и парадное природа сняла теперь с Волги и уложила в сундуки до будущей весны, и вороны летали около Волги и дразнили ее: "Голая! голая!"» [1, с. 17]. Теперь же пейзаж даётся глазами Рябовского. Героя одолевает тоска: он жалеет о том, что принял решение сойтись с Ольгой Ивановной, ощущает своё бессилие как художника и не справляется с раздражением. Но его тоска не вызывает сочувствия читателя, как не вызывала доверия его любовь к Ольге Ивановне: Рябовский – претенциозный человек, ему крайне важно выглядеть в глазах окружающих лучше, чем он есть на самом деле.

Ольга Ивановна ясно осознаёт, что чувства охлаждаются. Но отпустить своего любовника она не в состоянии. Её гложет обида, ей хочется как-то насолить Рябовскому: «По уходе его Ольга Ивановна долго лежала на кровати и плакала. Сначала она думала о том, что хорошо бы отравиться, чтобы вернувшийся Рябовский застал её мёртвою...» [1, с. 19]. Но настрой быстро сменяется, она мысленно возвращается туда, где ей было хорошо и уютно: «...потом же она унеслась мыслями в гостиную, в кабинет мужа и вообразила, как она сидит неподвижно рядом с Дымовым и наслаждается физическим покоем и чистотой и как вечером сидит в театре и слушает Мазини. И тоска по цивилизации, по городскому шуму и известным людям защемила её сердце» [1, с. 19]. Обратим внимание на то, что она наслаждается рядом с мужем не чистотой его души, а «физической» чистотой, то есть тем, что обеспечивают удобства городской жизни. Автор, следуя логике развития характера «попрыгуньи», не показывает её чувства вины перед мужем. Изменив ему, она не смущается тем, что поступила дурно, что ей недостаёт в первую очередь ощущения нравственной чистоты. Тоскует она не по мужу, а по завсегдашней своему «салону», по своим «вечерам», по ощущению постоянной занятости в городе: муж не входит в тот круг её общения, ему вообще отведено ничтожно малое место в её жизни. Всё изменится с его неожиданным для неё уходом: Ольга Ивановна впервые почувствует растерянность, беспомощность,

одиночество, отсутствие не замечаемой до этого опоры; не без помощи коллег и друзей доктора Дымова она откроет для себя, что рядом с ней был по-настоящему «редкий, необыкновенный, великий человек», перед которым она готова теперь «всю жизнь благоговеть» [1, с. 31], но поздно. Ни скорбь, ни тоска от невосполнимости утраты её пока не настигли, и случатся ли они в жизни «попрыгуньи»? Этот вопрос А.П. Чехов оставляет открытым.

Героям небольшого рассказа «**В ссылке**» (впервые – «Всемирная иллюстрация», 1892) присущи совершенно отличные от изображённых в предыдущем рассказе проявления тоски. Спор о жизни ведут двое мужчин, которых сослали в Сибирь: Семён, который провёл на каторге уже долгое время, за что и получил прозвище Толковый, и Татарин, недавно прибывший, а потому его имя никто не знает. Жизненная философия Семёна достаточно проста: для счастливого существования человеку ничего не нужно: ни семьи, ни детей, ни достатка. «Ежели, говорю, желаете для себя счастья, то перее всего ничего не желайте» [1, с. 44]. Отчасти мысли Толкового совпадают с пониманием счастья в христианстве – гнаться за чем-то материальным бессмысленно, оно всегда ускользает, а ожидание или погоня приносят больше разочарования. То же самое с прошлым: его идеализация и ностальгия по нему не принесёт счастья. Верный путь его обретения, по мысли Толкового, – полное осознание реальности и настоящего момента, обращение к собственной душе. Скорее всего, Семён, как обычный русский мужик, исповедует христианство в силу своего разума. Обратим внимание на то, что слово «бог» в его речах встречается шесть раз. Чаще всего повторяется фраза: «Дай бог всякому такой жизни» [1, с. 43, 50].

Семён не испытывает тоски, он как будто на это не способен – он довольствуется жизнью в Сибири, совершенно не понимает людей, которые тоскуют и тягостятся своей ссылкой. Но не случайно именно он посвящает Татарина в историю о барине, Василии Сергеиче. Когда-то тот перевёз в Сибирь жену в надежде на то, что она вместе с мужем сможет перенести все тяготы. Его вера в счастливую семейную жизнь не оправдалась: жена, выдержав только три года такой жизни, сбежала от него вместе с чиновником. Погоня за женой оказалась неудачной, барин тяжело переживал её потерю: «Поскакал он вдогонку, суток пять гнался. Когда после перевозил я его на ту сторону, он повалился на паром и давай головой биться о доски и выть» [1, с. 45]. Василий Сергеич не может снести предательства жены, горе оказывается слишком сильным, доводит его до нервного срыва. В дальнейшем горе сменяется тоской, которая будет постепенно подтачивать силы: «Сам поседел, сгорбился, с лица желтый стал, словно чахоточный. Говорит с тобою, а сам: кхе-кхе-кхе... и слезы на глазах» [1, с. 45]. Новый предмет для обожания – дочка – на время избавляет Василия Сергеича от тоски: «Промаялся так с прошениями годов восемь, а теперь опять ожил и веселый стал: новое баловство придумал. Дочка, видишь, выросла. Глядит на неё и не надышится» [1, с. 45]. Но Семён, наученный горьким опытом, повидавший в Сибири множество различных историй, понимает, что молодая девушка долго

прожить в таких условиях не сможет, и оказывается прав: «А сам про себя думаю: “Ужо погоди... Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?” И стала, брат, она тосковать... Чахла-чахла, извелась вся, заболела и теперь без задних ног. Чахотка. Вот тебе и сибирское счастье, язвы его душу, вот тебе и в Сибири люди живут...» [1, с. 45–46].

В действительности так и оказывается. Девушка, подобно отцу, начинает тосковать, но тоска её – не по близкой душе, как некогда тосковал Василий Сергеич по её матери, а по благам цивилизации. Ей невыносима жизнь вдали от людей, к которым она привыкла, без бытовых удобств, общения – Сибирь ничего этого ей дать не может. Чувство тоски провоцирует болезнь. Несмотря на некоторую мизантропию, Семён прекрасно понимает характер барина, понимает, что смыслом его жизни является дочка, а потому её смерть сделает существование Василия Сергеича бессмысленным: «Помрет она всенепременно, а он тогда совсем пропал. Повесится с тоски или в Россию убежит – дело известное» [1, с. 46]. Семён лишь строит догадки, но его наблюдательности читатель может вполне доверять. Вероятнее всего, потеря дочери будет для отца последней каплей. Вставной эпизод показывает, что всеми действиями Василия Сергеича движет любовь: к жене, затем – к дочке. Но такая искренняя любовь не находит взаимности ни у одной, ни у другой, а он, невзирая на отсутствие сердечного отклика с их стороны, на преобладание в самых близких существах эгоистических склонностей, тоскует без них и продолжает бескорыстно их любить.

По мнению Толкового, поступки барина во многом бессмысленны: тот был бы гораздо более счастливым, если бы постарался отказаться от мысли о возможности перевезти семью в Сибирь и смирился со своим существованием ссыльного, не желая для жизни большего. Татарин, который оказался в Сибири не так давно, внимательно слушает историю, но относится к ней по-своему: «Жена, дочка... Пускай каторга и пускай тоска, зато он видал и жену и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего – худо! Жена прожила с ним три года – это ему бог подарил. Ничего – худо, а три года – хорошо» [1, с. 46]. Его отталкивает позиция Семёна, для него неприемлемо отказываться от семейных привязанностей, поэтому он внутренне разделяет выбор Василия Сергеича: то недолгое счастье хранить в сердце, тоскуя о нём. Сам же Татарин хочет, чтобы жена приехала к нему: «Оставшись один, татарин подложил хворосту, лег и, глядя на огонь, стал думать о родной деревне и о своей жене; приехала бы жена хоть на месяц, хоть на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад! Лучше месяц или даже день, чем ничего» [1, с. 47]. При этом он понимает, что жить вместе в Сибири едва ли представится возможным. Ссылным не дают достаточно денег на собственное содержание, о семье и говорить нечего. Тоска по родине и близкому человеку преследует Татарина. Особенно ярко это проявляется на подсознательном уровне – в сновидениях героя: «Он чувствовал, что спит, и слышал свой храп... Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако, какие бывают страшные

сны! К чему они? Татарин улыбнулся и открыл глаза» [1, с. 47–48]. Татарин склоняется к тому, что нужно переживать любые чувства, счастливые или горестные, потому что именно они делают человека живым: «Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень – и бог тебя не любит, а барина любит!» [1, с. 49–50].

Таким образом, герои рассказа «В ссылке» глубоко несчастны. Татарин тоскует по близким людям, понимая, что тоска его безнадежна: при всём желании, он не сможет перевезти к себе жену и тем более удержать её рядом. Страдает барин, который не может смириться с судьбой, с тем, что близкие его покидают. Отдельное внимание стоит обратить на Семёна, который производит впечатление человека, не ропщущего на судьбу, жизнь в Сибири его вполне устраивает. Но на самом деле одна его фраза, которая неоднократно повторяется, наталкивает на мысль о том, что герой не до конца примирился с судьбой. Его фразу – «дай бог каждому такой жизни» [1, с. 43, 50] – можно рассматривать как некий защитный механизм, как попытку убедить себя, что он действительно завидно устроился.

В произведении «**Страх (рассказ моего друга)**» (впервые – «Новое время», 1892, № 6045, 25 декабря) тоже тоскуют несколько героев, но уже не в экстремальных обстоятельствах, а, скорее, в вялотекущих семейно-бытовых. Рассказчик испытывает чувство привязанности к жене своего друга. Его привязанность вполне понятна и, в силу своей распространённости, не вызывает интереса, тоска его поверхностна. Когда герой говорит о женщине, то описывает её только с внешней стороны, не касаясь природы характера: «Я влюблён в неё не был, но мне нравились её лицо, глаза, голос, походка, я скучал по ней, когда долго не видал её, и моё воображение в то время никого не рисовало так охотно, как эту молодую, красивую и изящную женщину» [1, с. 127–128]. Он не видел в их краткосрочных отношениях ничего серьёзного, единственное, что его смущало, – трепетное отношение к нему самому мужа Марии Сергеевны, Дмитрия Петровича. Эта дружба ставит рассказчика в неловкое положение, но не столько из-за того, что с ним изменяет жена друга, сколько из-за самого факта существования этой самой дружбы. Тоска по женщине здесь мимолётна, она исчезает, как только рассказчик добивается желаемого. Гораздо больший интерес представляет собой тоска Дмитрия Петровича и его жены. Странно устроены взаимоотношения семейной пары: он испытывает к ней крайние эмоции, от любви до ненависти, но больше всего – страх из-за непонимания настоящей сути своего чувства. Мария Сергеевна, напротив, совершенно равнодушна по отношению к своему мужу. Она вовсе не любит его, а вышла замуж, скорее, поддавшись его бесконечным уговорам. Надежда на то, что она со временем переменится и полюбит его, угасла в Дмитрие Петровиче: годы в браке и наличие двоих детей не изменили его жены, как бы ему ни хотелось. Получается, что оба героя тоскуют по одному и тому же – по так и не скрепившей их союз взаимной любви. При этом мы

видим, что Дмитрию Петровичу не нужны другие женщины, предметом его любви и тоски является только жена, та, что так и остается недоступной для него и до конца не понятой им. Герой сильно запутался, а потому и возникают эти различные эмоции – ожидание счастья в совместной жизни не оправдалось: «Оттого, что в наших отношениях я ничего не понимаю, я ненавижу то её, то себя, то обоих вместе, всё у меня в голове перепуталось, я мучаю себя и тупею, а как назло она с каждым днем всё хорошеет, она становится удивительной... По-моему, волосы у неё замечательные, а улыбается она, как ни одна женщина. Я люблю и знаю, что люблю безнадежно. Безнадежная любовь к женщине, от которой имеешь уже двух детей! Разве это понятно и не страшно? Разве это не страшнее привидений?» [1, с. 133].

Дмитрий Петрович тоскует по воображаемой, которая не открывается ему в рядом находящейся жене, Мария Сергеевна фактически тоскует по тому же самому: она знает, каково это быть любимой мужем, но не имеет ни малейшего представления о любви взаимной. В ней пробуждается любовь к другу Дмитрия Петровича, рассказчику, но и эта любовь даётся ей с трудом: тяжело не сдерживать обещание, которое она давала при помолвке, – быть верной мужу. Но тем не менее она вся отдаётся запретному чувству: «Это была большая, серьёзная любовь со слезами и клятвами...» [1, с. 137]. Рассказчик же довольно быстро теряет интерес к Марии Сергеевне, уезжает и больше не появляется в гостях у этой семьи. История жизни супругов, по большому счёту, не затрагивает его эмоций. Но необходимо сказать, что тоска, которую испытывают они сами, так и останется с ними: едва Дмитрий Петрович сможет добиться любви своей жены; вряд ли Мария Сергеевна сможет полюбить мужа, а искать счастья на стороне и радоваться случайным связям ей не позволит совесть. Тоска, в которой мы находим героев, по всей видимости, будет сопровождать их всю жизнь.

«Володя большой и Володя маленький» (впервые – «Русские ведомости», 1893, № 357, 28 декабря) – рассказ, посвящённый запутавшейся женщине, Софье Львовне. Она не уверена в том, что сделала правильный выбор, когда вышла замуж по расчету за Владимира Ягича, который гораздо старше её. В начале произведения мы встречаем Софью, которая пытается разобраться в своих чувствах: любит она своего мужа или нет. В конце концов она приходит к мысли, что всё-таки любит: «В последние два месяца, с самого дня свадьбы, её томила мысль, что она вышла за полковника Ягича по расчёту и, как говорится, *par dépit*; сегодня же в загородном ресторане она убедилась, наконец, что любит его страстно» [1, с. 214]. На деле – счастливая мысль о том, что она «страстно» любит своего мужа, оказывается мимолётной и улетучивается через несколько мгновений, сменяясь неуверенностью и внутренними терзаниями. Софья Львовна не уверена в своей любви, потому что испытывает привязанность к Владимиру Михайловичу – Володе маленькому. Он младше её мужа, но беден, что, по сравнению с Володей большим, представляет его в невыгодном свете. Женщина мечется между мужчинами, не понимая своих чувств. Она хочет чистой, светлой любви, не

хочет быть любовницей. Ей очень хочется действительно любить своего мужа, но она не находит в себе такого глубокого чувства. Отметим, что ей очень важно быть услышанной: «А если б вы знали, как мне хочется измениться, начать новую жизнь! Я с восторгом думаю об этом, – проговорила она и в самом деле прослезилась от восторга. – Быть хорошим, честным, чистым человеком, не лгать, иметь цель в жизни» [1, с. 224]. Её слова, на первый взгляд, могут показаться читателю вполне искренними, но они не соответствуют поступкам, которые она совершает. Софья хочет начать жить честно, но при этом изменяет мужу.

Однако Софья, говоря одно, но поступая вопреки сказанному, не является лицемеркой. Ей действительно хочется быть возвышенной, просветлённой. Но она, несамостоятельная по складу характера, остаётся один на один со своими терзаниями, она нуждается в совете и поддержке, ей нужен человек, который прежде всего её выслушал бы. Такого человека в жизни Софьи Львовны нет. Муж занят собой, он равнодушен к нервным припадкам жены; Володя маленький проявляет к ней только плотский интерес, он не верит её светлым порывам: «Ей-богу, точно на сцене. Будем держать себя по-человечески» [1, с. 224]; монахиня Оля, подруга Софьи Львовны, не проявляет искреннего участия: «машинально, тоном заученного урока говорила ей, что всё это ничего, всё пройдет и бог простит» [1, с. 225]. Таким образом, Софья Львовна, как и многие другие героини чеховских произведений, тоскует по счастью. Она не может найти своё место в мире, она не уверена в каждом своём шаге. Тоска в жизни женщины циклична: «И после этого жизнь пошла по-прежнему, такая же неинтересная, тоскливая и иногда даже мучительная. Полковник и Володя маленький играли подолгу на бильярде и в пикет, Рита безвкусно и вяло рассказывала анекдоты, Софья Львовна все ездила на извозчике и просила мужа, чтобы он покатал её на тройке» [1, с. 225]. Софья Львовна не может выйти из замкнутого круга сама – ей нужна опора, которую она не может найти ни в боге, потому что считает себя падшей женщиной, ни в окружающих её людях, которые не могут, не хотят и не считают нужным её понять; ни в самой себе, потому что ей не хватает внутренней силы для разрешения возникших проблем.

В центре рассказа «Учитель словесности» (впервые опубликовано: первая глава – «Новое время», 1889, № 4940; вторая глава – «Русские ведомости», 1894, № 188) – знаменательная часть жизни главного героя, посвящённая предсвадебным волнениям и следующим за ними семейным. На первый взгляд, Сергей Васильевич Никитин – счастливый человек: работа приносит ему удовольствие, он окружён людьми, с которыми ему интересно общаться и проводить время, и, главное, он вот-вот признается в чувствах любимой им Маше Шелестовой. Никитин действительно счастлив, чувства оказываются взаимными, отец Маши даёт благословение, и скоро они сыграют свадьбу: «И утомленный своим счастьем, он тотчас же уснул и улыбался до самого утра» [1, с. 324]. Именно таким радостным моментом заканчивается первая часть рассказа, где повествование велось от третьего лица и где, кроме

того, А.П. Чехов подробно описал семейство Шелестовых: отца, старшую сестру и младшую, учителя, с которым соседствует герой. Все эти описания, как вскоре выяснится, будут способствовать пониманию изменений в душе героя.

Вторая часть рассказа содержит дневниковые записи, которые начинаются с самого счастливого дня в жизни Сергея Васильевича и Маши – свадьбы. Но в дневнике мы обнаруживаем первое тревожное проявление героя: он не может подробно описать тот счастливый день, а вспоминает только выбивающийся из общего настроения случай: лёгкий припадок Машиной старшей сестры: «Уже шестой час утра. Я взялся за дневник, чтобы описать своё полное, разнообразное счастье, и думал, что напишу листов шесть и завтра прочту Мане, но, странное дело, у меня в голове всё перепуталось, стало неясно, как сон, и мне припоминается резко только этот эпизод с Варей и хочется написать: бедная Варя! Вот так бы всё сидел и писал: бедная Варя!» [1, с. 326]. Когда же тревожные мысли отпускают, Никитин снова оказывается в состоянии эйфории, в котором пребывал во время помолвки. Герой испытывает небывалое чувство счастья, которое так неожиданно «свалилось» [1, с. 327] на него, «досталось ему даром» [1, с. 329]. Он стремится всё своё свободное время проводить с молодой женой, спешит домой после уроков. Если Маши нет рядом, то он каждую свободную минуту думает о ней. Такая зависимость, с одной стороны, кажется вполне нормальной для двух, только что связавших себя узами брака, влюблённых, но, с другой стороны, она настораживает.

И наступает следующий тревожный момент: герой не берёт дневник в руки, записи прерываются рассказчиком. Сам же Никитин как будто теряет цель своего существования, хотя ещё не осознаёт этого в полной мере. Герой перестаёт заниматься детьми, которых должен обучать русскому языку и литературе. Ему не хочется домой, и приходит тягостное осознание того, что он, со своим «сиротством, бедностью, несчастным детством, тоскливой юностью» [1, с. 327], чужой для семейства Шелестовых: «Шёл дождь, было темно и грязно. Никитин чувствовал на душе неприятный осадок и никак не мог понять, отчего это: оттого ли, что он проиграл в клубе двенадцать рублей, или оттого, что один из партнеров, когда расплачивались, сказал, что у Никитина куры денег не клюют, очевидно, намекая на приданое? Двенадцать рублей было не жалко, и слова партнера не содержали в себе ничего обидного, но всё-таки было неприятно. Даже домой не хотелось» [1, с. 329]. «Наивная, но необыкновенно приятная жизнь», длившаяся несколько месяцев, уже перестаёт напоминать ему «пастушеские идиллии» [1, с. 327].

Чеховские герои часто тоскуют по любви, по невозможности быть вместе с любимыми. Здесь же чеховский герой получает, казалось бы, всё, о чём только можно мечтать, но ощущение счастья почему-то оказывается непрочным. Дело в том, что постепенно учителю словесности становится тесно в «тихом семейном счастье», он начинает замечать, что его «окружает пошлость и пошлость» [1, с. 322], которая заслоняет от него «другой мир» [1,

с. 330]. Всё более очевидным становится и факт, свидетельствующий о полной зависимости Никитина от Шелестовых, о его подчёркнутой несамостоятельности как главы семейства: «Из церкви поехали в двухэтажный нештукатуренный дом, который я получаю теперь в приданое. Кроме этого дома, за Маней деньгами тысяч двадцать и ещё какая-то Мелитоновская пустошь со сторожкой, где, как говорят, множество кур и уток, которые без надзора становятся дикими» [1, с. 325]. Дом, деньги, пустошь – богатое приданое Маши – начинает бросаться в глаза, поскольку не могло быть нажито учительским трудом, и разница социального положения даёт о себе знать. Но более тягостным открытием является то, что сама женитьба на Манюсе, в которую Никитин «влюбился» [1, с. 313], оказалась возможной не по искренней любви её к молодому учителю – гостю отцовского дома, а потому, что была predetermined пресловутым общественным мнением. Ситуация прояснилась в связи с несостоявшимся замужеством Вари, подтолкнувшим Никитина к вопросу: «– Так значит, – спросил он, сдерживая себя, – если я ходил к вам в дом, то непременно должен был жениться на тебе? – Конечно. Ты сам это отлично понимаешь» [1, с. 331].

Герой оказывается в ловушке. Он полагал, что сам построил свою жизнь, сам выбрал работу, жену, круг общения. Но выясняется, что жена внутренне от него далека, работа не приносит удовлетворения, коллеги неинтересны. Из своего «мирка <...> ему страшно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир, чтобы самому работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать... Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны» [1, с. 330]. Тоска Никитина – по деятельности, которая приносит пользу и радость не только ему самому, а ещё и многим другим. Переживая крах всего, что казалось гармонично сложившимся, герой прозревает: «для него уже было ясно, что покой потерян, вероятно, навсегда и что в двухэтажном нештукатуренном доме счастье для него уже невозможно. Он догадывался, что иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем и личным счастьем» [1, с. 331–332]. Никитин осознаёт, что настоящее ускользнуло от него, женитьба повернула его жизнь по ложному пути: «Где я, боже мой?! <...> Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!» [1, с. 332]. Выбор, казалось бы, сделан не в пользу «личного счастья», которое обернулось пошло-мещанским бессодержательным существованием. Но хватит ли у учителя словесности сил, чтобы порвать с таким образом жизни? Вопрос остаётся открытым. Однако, применительно к нашей теме, важно прежде всего то, что тоску героя вызывает не сильная, всепоглощающая любовь, а, скорее, её подобие. Подлинного, глубокого чувства не было ни у мужа, ни у жены: Никитин принял за любовь первые сердечные порывы; Маша, при условиях её

воспитания, отвечала на них, как могла. Духовно-нравственное развитие учителя словесности рано или поздно привело бы к пониманию пропасти между ним и женой, что неизбежно вылилось бы в чувство неудовлетворённости существующим положением вещей, в тоску по идеалу. Именно это на наших глазах и происходит.

Таким образом, герои чеховской прозы начала 1890-х годов, которым дано в большей или меньшей степени испытать любовь, рано или поздно становятся «тоскующими». Весь вопрос в том, что представляет собой их любовь: настоящее чувство и поверхностное его проявление вызывают соответствующие им различные оттенки тоски. Тоска становится своеобразным индикатором глубины любовного чувства. Тоска Рябовского в «Попрыгунье» вызвана затянувшимся романом с Ольгой Ивановной; её тоска вдали от мужа и привычного комфорта обусловлена всего лишь отсутствием благ цивилизации; тоски по умершему мужу она пока не прочувствовала. Человек тоскующий – значит, живой, как мудро считает один из героев рассказа «В ссылке», действительно тоскующий вдали от жены и потому как никто другой понимающий состояние барина, с трудом справляющегося с навалившейся тоской после бегства с любовником его жены. Любовный треугольник в рассказе «Страх (история моего приятеля)» вскрывает отсутствие взаимной любви между мужем и женой, обоюдную тоску по сильному чувству, которое, как оказалось, невосполнимо страстью на стороне, тем более неравновеликой. По счастью тоскует и героиня рассказа «Володя большой и Володя маленький», подчинившаяся меркантильным соображениям, не окружённая любовью мужа и не нашедшая отдушины рядом с любовником. Наконец, в рассказе «Учитель словесности» автор снимает все эти преграды, мешающие герою насладиться любовью. Но здесь перед ним возникает ещё более непреодолимая преграда на пути к подлинному счастью – мещанское умонастроение жены и всей среды. Счастье в узком «мирке» оказывается недолговечным, на смену ему приходит острое ощущение тоски по созидательной жизни, не имеющей ничего общего с «личной».

Список литературы

1. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1977. – Т. 8. Рассказы. Повести. 1888-1891. – 528 с.